Звереем, братцы, звереем...

В один из дней ноября толпа горожан перекрыла движение по центральной улице Переславля-Залесского. Несколько часов жители «держали оборону». От кого же они оборонялись? Накануне вечером по местному радио было сообщено, что талоны на яйца за октябрь можно будет отоварить в магазине, расположенном в центре города. Но выступавший с сообщением не учёл одного — ажиотажного спроса на этот продукт. С раннего утра у магазина собралась очередь, а яйца продавали всего несколько часов. «Неотоваренные» и устроили пикет, после чего городские власти несколько сняли остроту проблемы, доставив с местной птицефабрики партию товара.

А в конце ноября горожане были потрясены известием: молодая женщина, мать двоих детей, получила заряд из охотничьего ружья, стоя в очереди за растительным маслом возле магазина № 39. К счастью, жизнь женщины вне опасности. А произошло следующее. Продовольственный магазин № 39, расположенный в центре новых микрорайонов, соседствует с пивной точкой, возле которой постоянно крутятся страждущие. Вход в пивную и магазин один. И перед открытием с обеденного перерыва установились здесь две очереди: одна за растительным маслом, другая — за пивом. В пивной очереди возникла драка. Обиженный решил восстановить справедливость, сбегал домой, взял ружьё и пошёл мстить, а досталось ни в чём не повинной женщине.

В первое же воскресенье декабря группа женщин вломилась в квартиру председателя исполкома Переславского городского Совета с требованием продуктов, которых не оказалось в злополучном магазине № 39. Пришлось двум председателям — Совета и горисполкома — ехать на птицефабрику и везти в магазин товар.

Все эти события в жизни города можно объединить одним эпиграфом: «Звереем, братцы, звереем...» Нет продовольствия в магазине — пошли с пикетом на дорогу, ворвались в квартиру мэра. Обидели в очереди — берём ружьё: держись, обидчик! Некоторые твердят: вот до чего довели людей. Рад бы поддержать эту мысль, да факты не позволяют. Согласен, что нестабильность экономики и социальная обстановка в обществе не способствуют добродетелям. Но не премину добавить: продуктовый ажиотаж в Переславле раздут сверх меры.

— Не буду рассказывать о том, как выполняется план товарооборота, чтобы не подумали, что защищаю плохую работу, — говорит заведующий торговым отделом Переславского горторга Р. А. Талыбов. — Вот лишь один документ — анализ продажи продовольственных товаров нашим торгом за десять месяцев года. Что выясняет анализ? По целому ряду показателей идёт превышение продажи продовольственных товаров, хотя есть и снижение. По сравнению с тем же периодом минувшего года продажа мяса и птицы сократилась в городе на 602 центнера, а всего продано этого вида продукции 2 949 центнеров. Кроме того, надо учесть дополнительную «подпитку» мясного прилавка за счёт подсобных хозяйств предприятий города. А в целом выходит, что обеспечение переславцев мясом и птицей даже повыше, чем в среднем по области.

По колбасным изделиям и копчёностям превышение продажи к уровню прошлого года на 131 центнер, на 270 тысяч банок увеличилась реализация мясных консервов, на 335 центнеров больше продано рыбы, в том числе сельди, заметный рост отмечен по сыру, сахару, животному маслу, водке. Что же оказалось в дефиците? Масло растительное, яйца, вино, коньяк, пиво, газированные и минеральные воды, табак. И всё-таки следует отметить: даже те продукты, которых продано больше, поступали в магазины неритмично. К примеру, в сентябре были серьёзные перебои с сахаром. И всё же в чём главные причины массового недовольства торговлей?

Коркин, А. Звереем, братцы, звереем... / А. Коркин // *Северный рабочий*. — 1990. — 16 декабря. — С. 2.

Сегодня в Переславле-Залесском почти в каждой семье прямо-таки складской запас макаронных изделий. В ноябре почти в два раза возросло потребление хлеба. Вот и опустошаются магазинные полки.

— Многие напуганы нестабильностью в поставках продовольствия, — продолжает Р. А. Талыбов, — буквально всё сметается с прилавков. Добавьте к этому возросшие доходы горожан, а также трудности с продуктами в Москве, куда традиционно вывозились из Переславля до четырёх миллионов рублей в квартал, и многое станет понятным.

В этих словах есть определённая логика, но всё же стоит отметить и неразворотливость, просчёты торговли. Вернусь к «яичному бунту». Выданные талоны на яйца очень трудно отоварить, у многих они не реализованы за октябрь. На недавней сессии горсовета заместитель председателя Совета А. Д. Плетнёв проинформировал собравшихся, что талоны на яйца за октябрь и ноябрь будут отоварены в декабре, а участь декабрьских — «сработать» в январе. Почему? Новый год — новые фонды. И всё же не покидает мысль, что яичный дефицит в Переславле при собственной мощной птицефабрике — абсурд. Оказывается, в период договорной кампании горторг, заказывая ежегодно на фабрике по семь миллионов яиц для города, на 1990 год ограничился всего... 4 миллионами.

Любопытно, что во время упомянутого «яичного бунта» руководители города пустили в реализацию партию яиц, предназначенную к отправке в соседний Ростов. В итоге птицефабрика обязана выплатить штраф в размере 900 рублей. Но сама фабрика в этом срыве поставок не виновата. Кто будет платить неустойку? Горторг берёт убытки на себя. Есть и ещё одна сторона той же медали. Кроме Ростова, продукция недопоставлена в детские учреждения, больницы. И здесь уместно внимательнее посмотреть на саму систему решения продовольственной проблемы. Только в ноябре в горсовете прошли несколько совещаний, депутаты разбирали вопрос о снабжении города продовольственными и промышленными товарами. Казалось бы, Совет реагирует на трудности горожан. Но, увы, дальше распределения дело не идёт. Полдюжины организаций контролируют торговлю, десятки людей оторваны от своей непосредственной работы, занявшись распределением. Плоды этих трудов порой доходят до абсурда. К примеру, ни в одном магазине города не найдёшь электропаяльников — раздали по предприятиям. То же и с другими товарами.

— У нас на «Славиче» при розыгрыше дефицита мне достались валеночки на годовалого ребёнка. А куда мне их — дети давно выросли. Видно, придётся снова рожать, — невесело рассказывала мне одна из работниц предприятия.

— По «счастливой случайности» мне причитаются женские панталоны, — рассказывает молодой парень. — Да вот беда, не женат я ещё, разве что в запас взять...

Вот такие горькие шутки.

Многие предприятия Переславля устанавливают прямые связи с производителями продовольствия. К примеру, картонажно-полиграфический цех «Славича», поставляя рыбакам Балтики этикеточную продукцию, получает взамен рыбу. Прядильно-ткацкая фабрика «Красное эхо» в обмен на свою продукцию реализовала в сентябре по пятьдесят килограммов сахара на каждого работающего. Впору бы дифирамбы петь оборотистым руководителям заводов и фабрик, но что-то не очень хочется. И вот почему. Думается, каждому надо заниматься своим делом, а не становиться негоциантами. Подобное продовольственное самообеспечение приводит к социальным вывихам, порождает коллективный эгоизм. Картонажникам «Славича», к примеру, глубоко наплевать, как живёт родное второе производство. Работающие на «Красном эхе», получив по пятьдесят килограммов сахара, позабыли про всех остальных, даже про собственных пенсионеров. Да ещё и встали в общегородскую очередь, отоварили талоны. Вот уж действительно — меры не знаем.

А. Д. Плетнёв согласен, что надо бы пускать всё добытое на стороне через торг, но опасается, что перестанут руководители предприятий идти на прямые сделки и сократится поток продовольствия по этим бартерным каналам. А почему, собственно? Все предприятия города находятся на одной территории, пользуются едиными природными ресурсами, рабочей силой. Город — это не набор отдельных производств, а общность людей, о которых необходимо заботиться независимо от ведомственной принадлежности. Много сейчас говорится о социальной справедливости. А что на деле? Не расколется ли население малого города на касты в зависимости от приближённости к кормушке? Создаётся впечатление, что переславцы (да только ли они?) из математики усвоили только два действия — вычесть и разделить. А о сложении и умножении и слыхом не слыхивали.

А. Коркин,
корреспондент «Северного рабочего».